

НАТАЛИЯ КАБАКОВА

ДОЗНАВАТЕЛЬ

Аннотация

Виктория Ли Вонг живет в огромном мегалополисе Загарасити, где правят суровые законы. Здесь даже за удовольствие можно поплатиться жизнью. Город будущего борется с перенаселением, клонирование органов стало обыденным явлением, послушные роботы заполнили рынок труда, а люди научились считывать чужие воспоминания.

Тем не менее существование героини скучно и безрадостно. Неинтересная работа, отвратительное жилье — все, чего сумела добиться воспитанница детского дома. Единственное развлечение, которое она может себе позволить — вечеринки в дешевых ночных заведениях с выпивкой в одиночестве за барной стойкой.

Однажды ее жизнь резко изменилась, казалось бы, в лучшую сторону. Появился молодой человек и новые друзья. Однако скоро Виктория откроет, что посетившее ее счастье не более чем иллюзия. Спектакль, где ей самой была уготована не слишком приглядная роль...

Наталия Кабакова

Дознаватель

Записано в тюрьме строгого режима Сент-Квентин по просьбе дорогой подруги Сибил Роджерс, разделившей со мной все тяготы заключения, и единственного человека, который будет сожалеть о моей смерти.

27 июля 2хх6 года

Для помещенного в одиночную камеру арестанта радостными бывают только те минуты, когда отворяется тяжелая железная дверь с нарисованным на ней красной краской номером и охранник, всегда настороженный, приказывает идти на прогулку.

Номер моей камеры — семьсот шесть. Тесное помещение, где едва есть место для кровати и, огороженного низенькой стенкой, санузла, унитаза с раковиной. Здесь я провожу почти весь день, но ровно в двенадцать наступает долгожданный час. Перемена обстановки вносит немного разнообразия в мои монотонные будни. Иногда вместе со свежим воздухом возвращается надежда, но чувство это кратковременно, как жизнь бабочки — однодневки.

Спасти меня, Викторию Ли Вонг, заключенную тюрьмы Сент-Квентин и приговоренную судом высшей инстанции к смертной казни без права обжаловать вердикт, может только чудо. Чудес же, простите за банальность, не случается ни с кем и никогда. Так уж устроен мир, где нам приходится иметь дело с последствиями собственных поступков, иногда фатальными.

В маленьком, огороженном бетонными стенами дворике, нас собирается шестеро. В одинаковых серых комбинезонах мы похожи на близнецов или сестёр погодок. Делать нам решительно нечего, кроме как изучать установленную ровно посередине цементную клумбу, на которой летом вырастают измученные отсутствием солнца блеклые и худосочные фиалки.

Оказавшись в моем положении человек настойчиво ищет живого общения, чтобы хоть как-то скрасить вынужденное одиночество. Мой скрытный, часто язвительный нрав, позволил мне сойтись ближе только с одной из моих шести компаньонов, Сибил Роджерс. Ей и передаю мои записки.

* * *

Интернат для сирот не лучшее начало жизненного пути, но строгий режим,

установленный там, приучил меня к порядку и организованности. Воспитатели ежедневно вдалбливали в наши головы идею, что все последующие события в жизни человека закономерно вытекают из предыдущих. Каждый, как бы ни были тяжелы его житейские обстоятельства, несет полную ответственность за последствия своих поступков, и мы обязаны много трудиться, чтобы судьба, обделившая нас с самого начала, наконец, проявила свою благосклонность.

Мои дни долгое время проходили по неизменному регламенту: не было в них ровным счетом ничего интересного, и не случилось у меня никогда, как это бывает с другими, судьбоносных встреч или событий, способных переменить всю жизнь.

С наступлением совершеннолетия меня ожидала одинокая жизнь в маленькой съёмной квартире на окраине мегаполиса. В квартирке водились тараканы. Я, брезгливая по натуре, скоро научилась равнодушно давить отвратительных рыжих тварей. Немногочисленные старожилы поговаривали, что в разное время случалось тут и нашествие клопов, крыс, а также и прочих неприятных гостей. Стены облупились. Прорехи на них обнажали старые обои. Под драным, истертым до дыр, линолеумом жалобно скрипели половицы. На окнах висели дешёвые, всегда очень пыльные,

жёлтые шторы. Хозяин запрещал снимать их для стирки. Бог знает, чего он боялся, но терять дешёвое жильё мне не хотелось. Я легко вышла из положения, время от времени заимствуя у соседа моющий пылесос. Такая процедура временно заменяла стирку.

В общем, — это была скупая на уют дыра с бедной мебелировкой, но я никогда не забуду свою каморку, мой первый настоящий дом.

* * *

Студенческие годы дались мне нелегко. Зато первое время, после окончания учебы, было полно очарования и надежд. Окончив университет, я была принята на работу в службу безопасности солидной компании Бартерс amp; Бартерс, торгующей ювелирными изделиями. С моими знаниями в области электроники и цифровых технологий, а так же вполне сносной физической подготовкой (с детства я увлекалась боевым искусством таэкван-до) пройти строгий конкурс не составило труда. Получив доходную должность, я вырвалась, наконец, из нищеты и переехала в новое, более презентабельное жилище. Удивительно, оно было немногим лучше предыдущего, но в более спокойном районе и казалось мне почти дворцом.

Жизнь скоро вошла в привычную колею.

Очарование и надежды поблекли, как старые поздравительные открытки. Рутина начала тяготить, словно опостылевший любовник, а необходимость зарабатывать деньги убивала большую часть такого дорогого времени.

На этом, пожалуй, закончим с коротким вступлением и перейдем непосредственно к описанию тех событий, что привели меня в тюрьму Сен-Квентин.

* * *

2хх0 год.

Работала я совсем «непыльно». В одном из магазинов, принадлежавших ювелирному дому «Бартерс анд; Бартерс». С виду непримечательная лавка со скромной витриной и солидной вывеской. Располагался магазин на Каттон-стрит в единственном здании на три этажа. Первый занимал магазин, два остальных сдавались под небольшие бюро различных фирм.

Каттон-стрит — тихая улочка, где почти нет пешеходов. Вид у магазина был такой неказистый, что случайный прохожий никогда бы не подумал зайти внутрь. Золотые буквы на вывеске поистерлись, но её так и не собрались обновить. Витрину украшали рекламные плакаты Бартерс в старомодных позолоченных рамках на фоне

истершегося темно-синего бархата. Три облицованные гранитом ступеньки вели к зеленой двери с потускневшей от времени латунной ручкой, рядом с которой, прямо на стекле, как это бывает почти в каждом магазине, красовались выцветшие и истрепавшиеся по краям рекламные наклейки.

Самое интересное начиналось за этой дверью. Как только посетитель решался переступить заветный порожек, его глазам открывалось удивительное зрелище. В глубине плохо освещенной залы, умело подсвеченные, искрились и переливались драгоценные камни, таинственно мерцало золото. Интерьер был скромно отделан мореным дубом, софиты умело замаскированы, стеклянные витрины безупречно чисты. Здесь трудились настоящие мастера своего дела, приветливые и компетентные. Ничто не отвлекало внимания будущего счастливого покупателя от восхитительных драгоценностей Бартерс.

Дальше, в глубине зала, за неприметной дверью, находился вход в святая святых магазина — служебные помещения, которые по площади в три раза превосходили размеры торгового зала. Там, втайне от посторонних глаз, глубоко под землей, было оборудовано хранилище. Непрístupное, надежное, хорошо охраняемое, оно занимало большую часть подсобного пространства. Сейфы, оборудованные сложными замками,

скрывали самые дорогие активы ювелирной компании: украшения, драгоценные камни, слитки золота и серебра.

* * *

Центральный офис Бартерс amp; Бартерс располагался на Майн-плаза 60, что в самом центре города. Это было пятиэтажное здание в стиле модерн со скромной латунной вывеской, попасть внутрь которого можно было только по пропускам. Напротив раскинулся уютный сквер. Под старыми раскидистыми каштанами вдоль пешеходных аллей на небольшом расстоянии друг от друга располагались деревянные лавочки. В центре бил фонтан. Упругие прохладные струи образовывали над круглым бассейном нечто вроде шатра.

В Бартерс amp; Бартерс даже простые клерки понимали толк в драгоценностях, разбирались в камнях, с легкостью, на глаз, могли отличить пробы металлов. От имени ювелирного дома каждый день совершались крупные сделки, здесь ворочали миллиардами. К любой вещи, попадавшей на прилавки магазинов сети Бартерс, следовало относиться с должным уважением. Ни одно из украшений под этой маркой, пусть даже самое простенькое, не стоило менее десяти тысяч крон, что являлось почти годовой зарплатой рядового

городского служащего.

По давно устоявшемуся порядку моим начальником, в обход директора магазина, был районный глава службы безопасности, контора которого располагалась в центральном офисе. Служба работала автономно, подотчетная только совету директоров. Это была вездесущая, обладающая самыми широкими полномочиями организация, «государство в государстве». Ее представители не привыкли церемониться, порой вели себя по отношению к работникам слишком грубо. Добавлю, что благодаря этому, весьма специфическому регламенту, все сотрудники, в той или иной мере ответственные за сохранность имущества, превратились в особую, презираемую остальными, служебную касту.

Удержаться на хорошо оплачиваемой работе нелегко. Все больше предпринимателей предпочитают закупать роботизированный персонал, от которого не приходится ждать неприятных неожиданностей, забастовок и требований повысить зарплату. В мои обязанности входила не столько защита имущества от посягательств грабителей и мошенников, для этого вполне хватало сложнейшей электронно-цифровой системы защиты, сколько выявление неподобающего поведения со стороны сотрудников магазина. Проще говоря, фирма, на которую я

работала, серьезно опасалась, что ее ограбят собственные служащие.

В сложившихся обстоятельствах нетрудно догадаться, что доступ к подземному хранилищу, оборудованному прямо под магазином на Каттон-стрит, имел строго ограниченный круг лиц. Чтобы попасть вниз, необходимо было спуститься на предусмотренном специально для этих целей лифте, вызвать который можно только отсканировав сетчатку. Данные по биометрии хранились в общей информационной базе ювелирного дома. Если служащий имел временный или постоянный доступ, считывающее устройство моментально активировало лифт. Он поднимался вверх, и массивные двери бесшумно расходились в стороны.

Серебристая cabina напоминала сейф. Ее правый угол оснастили легким стеганым кожаным сидением. Мощная система вентиляции заглушала все шумы. Слева от входа, на уровне груди, располагалась панель с двумя мерцающими кнопками красного и зеленого цветов. Зеленая кнопка приводила лифт в движение, а красная открывала пульт экстренных вызовов, — самое бестолковое устройство из всех, что мне доводилось видеть. При нажатии красной кнопки лифт автоматически блокировался, панель неслышно раздвигалась, открывая взору

замаскированное сканирующее устройство, передатчик и миниатюрную цифровую клавиатуру с дисплеем. К сожалению, смельчака решившегося на такой отчаянный шаг, грабитель убил бы раньше, чем тот успел вставить в идентификатор карту-ключ, набрать личный код и нажать кнопку вызова диспетчера.

Спустившись вниз, вы еще не попадали по назначению. Первым делом вам необходимо было миновать небольшое, похожее на военный бункер и, в целях экономии, полностью лишенное декоративной отделки, помещение. Прямо, напротив лифта, будто встроенная в голые цементные стены, поражая размерами и мощностью, находилась квадратная дверь, снабженная сложным цифровым замком. Шифр состоял из шестнадцати знаков, четыре из которых были буквами латинского алфавита. Серые бетонные стены вокруг являлись иллюзией, способной обмануть только человека несведущего. Их толщина не составляла шести дюймов. Хрупкие и ненадежные, они являлись своего рода ширмой, за которой скрывалась почти неприступная крепость.

Дверь, весившая несколько тонн, открывалась с помощью гидравлического механизма. Гладкая металлическая поверхность с виду казалась монолитной и однородной. Слева был встроен длинный узкий экран и клавиатура для набора

шифра. Но даже это, само по себе труднопреодолимое препятствие, отнюдь не было последним. Открыв дверь, вы попадали в большую залу, оборудованную сейфами поменьше. Они напоминали узкие прямоугольные ящики, словно колонны, тянущиеся к потолку. Каждый из этих сейфов имел свой личный код.

Хранилище обслуживало ровно двенадцать магазинов. Их количество точно соответствовало числу сейфов внутри. Мне доверяли только половину каждого кода, другую половину должен был выучить наизусть получатель, которому, согласно строгой отчетности, товар предоставлялся на продажу. Служащий головного офиса появлялся у нас раз в месяц, чтобы обновить устаревшие комбинации.

Бартерс атр; Бартерс оборудовала множество таких хранилищ. Их использовали повсюду, где велась торговля. Точного числа не знал никто, кроме, пожалуй, нескольких лиц в высшем руководстве акционерного общества. Большинство сотрудников отдела безопасности, несмотря на огромные полномочия, никогда не посещали хранилищ. Те же работники, в обязанности которых входило сопровождение, охрана и доставка товара по назначению, спокойно могли обождать наверху, пока специально аккредитованное лицо упакует драгоценности в чемодан из сверхпрочного

углеродного волокна, составит точную опись выданного на продажу товара и, защелкнув сложный кодовый замок, возвратится назад. Процедура передачи драгоценностей на хранение была во многом схожей. В хранилище доставлялся небольшой сундучок из сверхпрочных материалов, весь в предупреждающих наклейках и сам по себе легкий. Однако, чтобы доставить его по назначению, обычно требовались значительные усилия, вес придавало драгоценное внутреннее содержимое. Взгромоздив ящик на тележку, я и представитель центрального офиса спустились вниз, чтобы в соответствии с прилагаемой документацией рассортировать украшения по сейфам, откуда их скоро должны были забрать.

Что ни говори, а система обеспечения безопасности на предприятиях такого рода настолько сложна, что не может быть использована автономно. Роботы также далеко не всегда могут заменить человека, хотя, казалось бы, делают это повсеместно и невероятно продуктивно. Они уязвимы тем, что легко могут быть перепрограммированы, и процесс этот невероятно дешёв. Рынок предоставляет всё новое программное обеспечение. Чтобы с толком применить предложенный товар, нужна лишь некоторая толика фантазии и самые примитивные знания в области цифровых технологий, не

выходящих за рамки школьного курса. Одной из форм защиты от несанкционированного использования биороботов не по назначению являлись уникальные номера, вытатуированные на их руках. Значение имел не только сам номер и серия, но и цвет татуировки. Существовал даже специальный каталог, в котором цвет и буквы указывали на специализацию робота. Таким образом, любое несовпадение становилось очевидным. Что же касается ряда цифр, то они обозначали производителя, номер партии и индивидуальный код изделия.

Часть биороботов, изготовленных специально для Бартерс атр; Бартерс и исполнявших функции охраны, была спроектирована на заказ. Стандартные модели, выпускавшиеся производителем серийно, значительно отставали от них как по физическим показателям, так и с точки зрения интеллекта. Роботы-охранники были невероятно сильны физически, так как собирали их из прочных материалов. Грудь, спину, даже головы защищали пуленепробиваемые пластины. Скорость реакции многократно усиливали мощные процессоры на основе супералмазов и оригинальных инженерных решений в области опорно-двигательного аппарата. Таким образом, каждый из охранников представлял собою совершенную машину для убийства, обладая, ко

всему прочему, способностью быстро анализировать ситуацию и принимать толковые, правильные решения.

Не менее уникальны были биороботы, трудившиеся в торговых залах. В свое время Бартерс amp; Бартерс не пожалела средств на специализированное психологическое и маркетинговое исследование, чтобы впоследствии на его основе создать свою знаменитую операционную систему «BestSallerStar», превращавшую стандартного робота в идеального продавца. Они умели работать с клиентами, знали специфику дела, вели первичный учет, оформляли витрины и даже убирали помещения. Всегда безупречно вежливые, аккуратные, улыбающиеся.

Ежедневное обслуживание этих великолепных машин, проверка персонального программного обеспечения, подзагрузка аккумуляторов проводилась автоматически. Ночью, когда включалась сигнализация, и мои скучные обязанности передавались компьютеру, нужда в биороботах отпадала. Все без исключения они отправлялись в предназначенное специально для них помещение, которое мы не без сарказма прозвали «спальной». «Спальня» была оборудована пятью капсулами со стеклянными крышками, позволявшими вести наблюдение. Биороботы оставались в них до утра, когда первый явившийся

на службу сотрудник «освобождал» их.

У каждой капсулы имелся свой бортовой компьютер. С его помощью тестировались неисправности механизмов, контролировалась подзарядка аккумуляторов. Затем маршрутизаторы направляли все данные в централизованную компьютерную сеть Бартерс. Выявленные неполадки устранялись в тот же день. В случае возникновения ситуации, несущей угрозу сохранности имущества, принадлежащего компании — будь то грабеж или, например, пожар, система приводила компьютеры ячеек в готовность, и они «будили» персонал. Зачастую роботы справлялись с возникшими неприятностями раньше, чем на место поспевала полиция, служба спасения или первый сотрудник магазина.

По возможности я старалась приходить на службу последней. Не знаю уж почему, но эти освещаемые мерцающим фиолетово — розовым светом ячейки всегда пугали меня. Находившиеся в них роботы, хоть и выглядели спящими, казалось, таили угрозу. Иногда их веки трепетали, словно они могли видеть сны. Впоследствии я узнала, что такое случается, когда встроенный в капсулы компьютер тестирует системы, отвечающие за способность робота ориентироваться в пространстве. «Глазами», а точнее кремневым и световыми сенсорами высокой чувствительности, управлял сложнейший

прибор, внешне ничем не отличавшийся от человеческого органа зрения. Во время проверки он начинал вращение, и веки дрожали, как у человека, в фазе быстрого сна.

Разговоры о необходимости предоставления биороботам минимальных прав, из тех, что дарованы человеку самой природой и Богом, идут уже давно. Намек на подобный законопроект вызвал в обществе жесточайшие дебаты. Разумеется, изначально никто не собирался создавать роботов как новую разумную форму жизни. Они обладали некоторыми навыками и способностями, все чаще заменяли людей в тех или иных видах деятельности. Однако говорить об искусственном разуме было, пожалуй, рано. Роботы пока оставались заурядным механизмом, похожим на человека внешне, полезным инструментом и ничего больше. Согласитесь, эти слова необычайно ёмки и точно отражают суть проблемы. Отныне современное общество могло позволить себе не терзаться более муками совести, используя дешевый и по своей сути совсем не оплачиваемый рабский труд, а заодно приобретало преданных слуг, напроць лишенных стремления к свободе и равенству.

Рано или поздно перед человечеством всегда встает вопрос о моральной стороне того или иного социального явления. Так произошло и на этот раз.

Движение за права «альтернативного разума» растёт и ширится. Споры не утихают вот уже много лет. Хотя на мой взгляд все рассуждения «альтернативщиков» не более чем красивые слова, глупое самоубеждение людей, всегда и во всем желающих казаться оригинальными и претендующих на исключительность собственной персоны. Они, как правило, действуют во вред всякой истине. С человеком, согласитесь, всегда всё сложнее. Его разум трудно упорядочить как компьютерную программу, которая иначе не сможет даже заработать. Мышление непредсказуемо, большая часть умственного ресурса растрачивается впустую, а происходящие в нем процессы для нас загадка. В этом разница между человеком и роботом. Не только слабость, но, наверное, и сила человеческого разума, способного генерировать идеи, иметь твердые убеждения, принципы, даже причуды, которые не изменить и не исправить одним нажатием кнопки.

Впрочем, я опять отвлекаюсь, а время не терпит...

Днём не происходило решительным образом ничего из того, что могло бы дать хоть какую-то пищу для живого, требующего ежедневной разминки, ума. Обязанности выполнялись механически, не занимая обычно более трех часов. Рабочие дни сопровождала скука. На редкие

моменты системных сбоев приходились самые счастливые, наполненные разнообразными событиями, дни. Даже строжайшее следование сухим инструкциям выглядело верхом свободного творчества — это всё лучше, чем часами бездумно листать технические журналы или низкопробную литературу.

Сознаюсь честно, беллетристикой не увлекаюсь, книги покупаю редко. Ни те, что отпечатаны на легко растворимых в воде органических листах, довольно точно имитирующих бывшую когда-то в употреблении целлюлозную бумагу, ни электронные их версии, предназначенные для персональных ССР компании FAN In., компактных компьютерных панелей, упрощенно именуемых сисизрами. В наше время книжные автоматы можно без труда отыскать на каждой улице. Достаточно оплатить заказ, и товар сам упадет в руки, удобно запечатанный прозрачной упаковкой, либо в цифровом виде моментально поступит на вашу электронную почту. Рассказывают (а за решеткой у меня полно времени, чтобы эти рассказы слушать), что прежде люди ходили в специальные книжные магазины, где издания лежали на полках огромных шкафов, а сами книги во множестве печатались в специальной мастерской. Наверное, это было очень романтическое время.

Спустя пять лет

Осень 2xx5 года

Я вглядывалась в белое полотно густого тумана, плотного, словно вата. Можно ли в нем дышать? Но я, кажется, еще жива. Странное облако вокруг скрадывает звуки. Тихо, но меня не покидает ощущение, что я не одна. Я по-прежнему опасаясь двинуться вперед. Ведь когда-нибудь туман должен рассеяться, и будет не так страшно. Интересно, я попала в рай? Ведь никто не знает, какой он на самом деле.

— Мисс Вонг, мисс Вонг, — все громче «стонет», «поет» белая пелена. Шепчет однообразно, без интонаций, — мисс Вонг, мисс Вонг.

Кто-то кладет мне руку на плечо. Напуганная, я оборачиваюсь. Туман рассеялся. У себя за спиной я вижу скупо обставленный кабинет. Много света. Видна каждая деталь. Очень четко, как редко бывает в реальности. За столом сидит человек в белом комбинезоне с эмблемой знаменитого окружного госпиталя, чуда современной

архитектуры. На его груди латунная табличка с надписью. Буквы мелкие, ничего не разобрать.

— Сожалею, мисс Вонг, — произношение незнакомца безупречно. Взгляд равнодушный и ледяной, а голос мягок, полон участия, столь необходимого больным людям. Тембр бархатистый, удивительно приятный. Совсем не вызывающий раздражения. Скорее успокаивающий.

— Ваши анализы нельзя назвать удовлетворительными, мисс Вонг.

Яркий, расцвеченный солнечными лампами больничный парк (теперь я точно знала, что нахожусь в госпитале) никак не вязался с этими словами. Окно, распахнутое настежь, напоминало дверь в далёкий прекрасный мир, доступный любому, только руку протяни. Так притягательно щебетали птицы, так свеж был идущий снаружи ароматный воздух.

Я перестала слушать. Мне не интересно. Прекрасный свежий сад манит меня. Сильнее, еще сильнее. Яркий свет становится ослепительным. Голубая вспышка. И тьма!..»

* * *

Я очнулась сама не своя. В лихоманке, сродни панике, с огромными бисеринами пота на лбу. Страх сковал грудь. Причина его оставалась для

меня неясной. Как будто нечто серьезное беспокоило меня еще до того, как я потеряла сознание, и вот теперь тревога эта вернулась с прежней неумолимой силой. В растерянности я настойчиво перебирала скупые отрывки доступных мне воспоминаний и ощущений, но, увы, ничего решительно важного в них не обнаружила. Не нашлось никакой возможности уцепиться хотя бы за что-нибудь и подстегнуть уснувшие воспоминания.

Первый человек, которого я увидела, едва открыв слипшиеся от долго беспмятства или сна (этого я точно не знала) глаза, была моя соседка по палате. Если уж быть совсем точной, в ту секунду я не могла с необходимой чёткостью осознавать, где нахожусь, поэтому никаких внятных ассоциаций по поводу моей невольной компаньонки у меня не возникло. Неизвестность эта только усугубляла мое смятение.

Женщина сидела слева на высокой больничной кровати. Симпатичная, необыкновенно тучная, что отчасти скрадывалось её высоким ростом. Рыжие растрепанные волосы необычного оттенка, вероятнее всего крашенные, были стянуты белой трикотажной повязкой вокруг лба. Немного позже я сумела рассмотреть свою соседку ближе. Помню, что более всего меня поразили глаза: жалостливые и простоватые одновременно.

Беспомощное выражение лица. Она была одета в красный больничный комбинезон с белой обстрочкой — стандартный, как у остальных пациентов.

Вещи, неряшливо разбросанные по постели, могли рассказать о хозяйке гораздо больше, чем весь ее внешний вид. Предметы часто могут оказаться куда откровеннее хозяина. Несколько низкопробных глянцевого журналов (каждая из нас листала такой хотя бы раз в своей жизни) были раскиданы по кровати в полнейшем беспорядке. Их, несомненно, изучали, так как они успели истрепаться, а потом бросили раскрытыми. Плитка шоколада в истерзанной обертке, початая пачка печенья, примостившаяся на необъятном животе, бумажный стаканчик горячего шоколада — указывали на склонность к креветоугодию. Универсальный сисизэр лежал поверх журналов. Приподнятый под углом, он держался на специальной подставке, которая крепится сзади. Наклон оказался достаточным, чтобы я без труда заметила, что на экран был выведен не разгаданный до конца скандинавский кроссворд.

В тот момент, когда я очнулась от забытья, моя соседка со скучающим выражением лица бездумно пялилась в телевизор, висевший на противоположной стене. Передавали одно из многочисленных дневных кулинарных шоу.

Великолепно загримированная звезда, жеманясь и заигрывая с гостем программы, рассказывала секрет приготовления шоколадного соуса.

Меня мутило. Я зажмурилась и полежала, не шевелясь, пока не прошел первый приступ. Затем осторожно приоткрыла веки, стараясь поменьше двигать головой, и огляделась настолько, насколько позволял в данном положении мой довольно ограниченный обзор.

Обычная больничная палата с обстановкой типичной для любого больничного учреждения. Минимум уюта, максимум функциональности. Стены оклеены веселыми обоями. Нежно — зелеными в яркий, крупный, разноцветный горошек. На стенах несколько дешевых репродукций. Кроме того, тут стоял крупный комод на пять ящиков. Раз в четыре дня медицинские сестры приносили букет свежих цветов. Я лежала на удобной больничной койке. Компьютерный монитор отображал данные, поступавшие с единственного наночипа, внедренного прямо в кровеносную систему и способного передавать данные на расстоянии до полукилометра. Насколько я могла догадываться информация, помимо всего прочего, стекалась в единую больничную компьютерную сеть. Если у какого-нибудь пациента нарушался хоть один из показателей жизнедеятельности, «умная» система

регистрировала сбой и поднимала тревогу.

Под потолком, на противоположной стене, рядом с вентиляционной решёткой, был вмонтирован телевизионный приёмник, который при желании можно было подключать к сисизрам. ССР завершали техническое оснащение палаты и крепились у изголовья пациента. Эти универсальные установки вошли в употребление всего пять лет назад, когда компания FAN In. выпустила первую их версию. Тонкий, легкий, как пушинка, легко складывающийся, чтобы можно было свободно поместить его в карман или сумочку, управляемый голосом или через сенсорный экран. Встроенное устройство 4D легко позволяло создавать любое голографическое изображение в доступном для восприятия размере. Сисизэр заключал в себе переносной компьютер, телефон, прямой выход в виртуальный мир всемирной паутины. Он позволял делать трехмерные снимки и видео, имел навигатор по местности и множество других необходимых функций.

Удешевление производства супералмазов десять лет назад подарило инженерам неограниченные возможности. Углеродный полупроводник не перегревался. Громоздкая система охлаждения больше не требовалась. Все функции, ранее требовавшие нескольких различных

устройств, оказалось возможным свести в одном единственном миниатюрном аппарате. Клиент сам выбирал нужные наряду с уникальным дизайном. На больничных ССР, например, красовалась помпезная эмблема госпиталя — ангел в белых одеждах, расправивший свои крылья, обрамленный по кругу венком из дубовых листьев. Дизайн проектировался с особой тщательностью. Он должен был быть максимально удобным и функциональным. ССР не только не создавали помех чувствительному тонкому больничному оборудованию, но даже временно могли заменить его в случаях острой необходимости.

Новый приступ тошноты — и окружающий мир перестал меня интересовать. Кожа покрылась липким потом, желудок подступил к горлу. Наконец меня вырвало.

Когда я немного пришла в себя, то увидела склонившуюся через проход соседку, глядевшую на меня, словно испуганный ребенок. Первым делом её рука потянулась, чтобы нажать красную кнопку вызова на боковой панели кровати. Затем, быстрыми, точными движениями опытного конспиратора, она принялась проворно прибирать постель. Сознаюсь, наблюдать за ней было одно удовольствие. Сисиэр отправился на полагающееся ему место, над изголовьем, еду спрятали глубоко под матрас, а журналы неопрятной стопкой

отправили в тумбочку.

— Где я? — слова слились в один беспомощный хрип, горло першило. Место, к которому медики приклеили медицинский диффузор для подкожных инъекций, нещадно зудело. Наклейку прикрепили на руке, где вена подходила ближе всего к коже, значит мне, скорее всего, ставили капельницу.

Тут я испугалась не на шутку, в раздражении содрала пластырь с уже пустой ампулой и бросила его на пол.

— Где я?..

— Привет, — обрадовано поздоровалась моя соседка.

«Чему она так рада? — разозлилась я».

— Я Вера, — первым делом представилась она. Сердобольный взгляд остановился на моем лице. — Крепко тебе досталось. Привезли всю белую, точно свежий снег. Не приведи Господь!

Моя соседка сделала какой-то неизвестный мне религиозный жест. Он заключался в том, что она свела вместе указательный, средний и безымянный пальцы, начертив на лбу невидимый круг. Я не слишком сильна в теологиях и вовсе не религиозна. Традиционные верования ещё отличаю, но углубляться в их мистические учения нужным не считала никогда.

Вера, как мне сперва показалось,

принадлежала к тем оригиналам, которые за неимением иных занятий становятся «подвижниками» какого-нибудь нового религиозного течения, принимаясь отравлять жизнь окружающим и делая это с выражением самопожертвования на лице. Наверно здесь сказывалось мое общее неприятие веры, как занятия, не приносящего ни пользы, ни сколько-нибудь значимой выгоды. Впоследствии я узнала, что была несправедлива к этой женщине, которая вовсе не отличалась фанатизмом и была на редкость добрым существом.

— Ни кровинки на лице не было, — продолжала бормотать соседка. Сообщая мне эти подробности, она сочувственно всплёскивала руками, склоняясь над проходом между кроватями. — Я уж думала, что ты не очнёшься. Сама понимаешь, как страшно в одной палате с обречённым больным. Всякое передумаешь...

Меня снова стошнило. Душивший горло мерзкий комок отступил и растворился. Почти сразу полегчало. Я ощутила только некоторую слабость и ещё дикий стыд. Однако омерзения на лице Веры я не увидела, только испуг и сочувствие. Бессильно откинувшись на подушку, я без особого успеха пыталась припомнить предшествующие моему теперешнему состоянию события.

Подоспевшая медсестра не произнесла ни

слова упрёка. Она ненавязчиво отстранила соседку, серьезно оглядела меня, оценивая мой внешний вид, затем тактично задернула шторы между кроватями, сказав, что пришлёт уборщика. Тщательно изучив данные, отображавшиеся на мониторе, сестра участливо произнесла:

— Я сделаю вам впрыскивание, и тошнота отступит.

* * *

В душевой я долго глядела на себя в зеркало. На шее красовался пластырь с ампулой розовой жидкости. Лекарство подействовало почти сразу. Вопреки совету медсестры, я решила не слишком залёживаться. Немного кружилась голова, но куда больше беспокоило ничем необъяснимое волнение, не покидавшее меня с момента пробуждения, кроме того, иного способа упорядочить мысли я не знала.

В зеркале отразились больные тревожные глаза. На меня в упор смотрела худенькая тридцатипятилетняя китаянка, казавшаяся несколько моложе своих лет. Это была я, болезненно — бледная, со страшными черными кругами вокруг глаз. Уголки губ безвольно опустились, лишив очарования пухлый рот, над переносицей залегли глубокие морщинки. Узнавание было бесспорным. Без сомнений и

мучительных попыток вспомнить саму себя.

* * *

Первые часы память упорно подводила меня. Я металась то по палате, то по больничному коридору вся во власти необъяснимой тревоги. Вспомнить хотелось мучительно, до изнеможения. Как назло, чем сильнее становилось желание, тем дальше я отдалялась от цели. Вызванный обеспокоенной санитаркой врач покачал головой, а бросив взгляд на монитор, и вовсе помрачнел. Отдав малопонятное распоряжение, он удалился, а мне на шею прилепили новый пластырь с ампулой. Теперь бесцветной. Медсестра сказала, что это должно помочь мне успокоиться. Только спустя несколько мучительных часов отдельные фрагменты моей жизни начали неуверенно всплывать в моей памяти.

Не стану утверждать, что воспоминания доставили мне радость. Моё мрачное лицо снова изрядно перепугало медсестру. К сожалению городские больницы давно комплектовались исключительно роботизированным персоналом. Мне бы не помешало простое человеческое участие, ободряющая улыбка или несколько теплых слов. Увы, я получила в подарок только новую порцию успокоительного.

Первым делом я постаралась в подробностях припомнить все события вплоть до того момента, как потеряла сознание. Тот день ничем не отличался от остальных, скучных и полных томительного безделья. Я давно оставила службу, не нуждаясь более в ней. Время за редким исключением заполнялось прогулками, посещением магазинов, развлекательных центров и клубов.

За вековой период Загарасити изменился до неузнаваемости. Он разрастался вверх, покоряя небо, и вниз, зарываясь в землю. Здания окружили новые эстакады из пешеходных улиц и магистралей. Подземные и воздушные, они сплели настоящую сеть, загородили от взглядов небо. На средних ярусах, где располагались деловые районы, появилась необходимость ввести круглосуточное освещение. Тоже касалось и подземных уровней, где располагалось дешевое жилье и торговые центры.

С каждым днем мегаполис все больше напоминал душный муравейник. Город-нарыв, пиявка, которая высасывает из тебя все соки, истощает, как неизлечимый недуг. Ты не можешь оставить его. Ты раб этих улиц, домов, площадей. Тебя удерживают тысячи различных причин.

Главная и самая безнадежная из них — бедность. Не каждому по карману приобрести дорожающее с каждым годом жилье в зеленых и сельскохозяйственных зонах.

Город предлагает множество доступных развлечений, он удовлетворяет потребность в комфорте, здесь находится неиссякаемый источник заработка. Загарасити — настоящее государство со странным названием и необыкновенной историей. Я дитя этого мегаполиса. Он дарит мне ощущение собственной значимости. Тут в безликой, серой толпе нет места одиночеству. Оно давно сбежало прочь, на него ни у кого нет времени. Меня это устраивает, хотя я давно запаздываю, не поспевая вслед за всё убыстряющимся темпом жизни. Времени на самобичевание не остается, как, впрочем, и на все остальное. Все равно я безнадежно отстаю, совсем как антикварные механические часы одного моего знакомого. Они громко тикают, такие важные и массивные, но идут неверно. Он давно грозитя снести их в ломбард, только необходимо починить механизм. Увы, мастеров почти не осталось, разве что в музее отыщется какой-нибудь историк-реставратор. Мой друг вовсе не настроен спешить с этим. Он говорит, что отреставрированные вещи теряют присущее им очарование старины, превращаясь, несмотря на все ухищрения, в современную подделку.

Я похожа на эти часы. С педантичным упорством передвигаю стрелки, но нужного темпа нет, и механизм, устало тикая, отстает. Я давно смирилась с этим фактом. Похоже, так живем мы все. Кажется, что среди огней и реклам Загарасити можно легко потеряться. Но если ты уловил ритм городских улиц, то ни на что его не променяешь. Он начинает биться в унисон с твоим сердцем. Отныне он сама твоя суть.

* * *

Небольшие по своей площади государства неизбежно рискуют превратиться в единый конгломерат. Столица и крупные города постепенно поглощают пригороды и деревни, наступая сначала медленно, затем лавинообразно, объединяясь, наконец, в разнородный, кажется вовсе не жизнеспособный мегалополис. Загарасити — не исключение. Удобно расположенный на пересечении тихоокеанских торговых путей, он сперва обрел экономическую автономию, а затем политическое влияние, заложив таким образом основу своей независимости. Теперь это был город со своими законами и исполнительной властью, и на взгляд неискушенного туриста, никогда не посещавшего трущоб, богатый и веселый. На самом же деле грязный, а в отдаленных от центра нищих

окраинах и на подземных уровнях довольно опасный.

За неимением свободного пространства город однажды перестал расти вширь. Теперь улицы поднимались ввысь, образуя один за другим все новые ярусы, переплетаясь, словно паутина или уходили глубоко вниз, под землю. Шесть наземных ярусов нумеровались от общего нулевого, прозванного острословами «земляным», и снабжались латинской буквой U. Подземные, — спускаясь сверху вниз, обозначались буквой D.

Последние месяцы я проживала в «зеленых районах» Гейджа на юге Загарасити. Ранее это был бедный провинциальный городок. Теперь Гейдж превратился в «Мекку» для богачей с самой дорогой арендой жилья. В результате улицы пока не успели обрасти многоуровневыми ярусами. Только некоторые здания имели здесь более трех этажей. Их окружали ровно подстриженные газоны и великолепные сады, настоящие жемчужины ландшафтного дизайна, требующие усилий множества садовников. Несмотря на дороговизну, снять или приобрести подходящее жилье в этом районе задача нелегкая. Я арендовала маленькую квартиру в многоквартирном доме, где цены были несколько ниже обычных. Однако я согласилась бы платить вдвое больше за самую возможность вместо фотографий и трехмерных картин видеть настоящее

небо.

Развитие архитектуры в немалой степени диктует технический прогресс. Необычные, балансирующие на грани возможного, идеи неизбежно воплощаются, едва только становятся достижимы с инженерной точки зрения. Но обитатели «зеленых» предместий согласны платить, чтобы эти новшества их не коснулись. Современному зодчеству здесь предпочитали простые классические линии, традиционные и скучноватые, а скученность и рациональный подход к использованию свободного пространства, уступали место широте и простору. На этих улицах дышалось полной грудью и, казалось, обреталась настоящая свобода. Смог исчез из городов несколько десятилетий назад, с тех самых пор, как основные его источники, углеводороды, были успешно заменены в промышленности, транспорте и энергетике. Жители мегаполисов все больше предпочитали личному транспорту скоростной общественный, как наиболее эффективный в условиях больших городов, что еще больше снижало уровень загрязнения. Однако среди скрывающих солнце городских ярусов, улиц, заполненных потоками спешащих по делам людей, становилось по-настоящему душно. Чувство это было полностью субъективно, поскольку установленные в офисах, ресторанах и частных

квартирах фильтры каждую секунду пропускали через себя потоки тщательно очищаемого воздуха. Только на ярусе номер 6U, где запрещалась любая коммерческая деятельность и располагались прогулочные парковые зоны, небогатому человеку можно было немного отдохнуть, избавиться от назойливой мысли, будто ты насекомое, поневоле оказавшееся в чужом муравейнике.

* * *

Утро злополучного дня я провела дома, в своей уютной чистенькой квартирке, лишь ненадолго отлучившись за покупками. В полдень позвонил Франц и назначил мне встречу вечером в клубе «Дикий запад». Его сухой деловой тон вызывал к жизни тревожные мысли и недобрые предчувствия. Первым моим побуждением было расспросить Франца поподробнее. Однако я удержалась. Пока мой друг пребывает в мрачном настроении, толку от него все равно не добиться.

День прошел тихо и без суеты. Более никаких значимых событий не произошло. Я пообедала, а затем, устроившись в шезлонге, накрыв ноги пушистым пледом, любовалась грандиозным видом, открывавшимся с лоджии на предместья Гейджа. Высотное здание, где я жила, по фасаду было отделано коричневыми зеркальными